

УДК 27-725 + 395.3 + 329.3

А. В. Мангилева

БЕЛОЕ ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ СОСЛОВИЯ К ПРОФЕССИИ*

Рассматривается процесс формирования сословного самосознания в среде белого православного духовенства, анализируется соотношение сословного и профессионального компонентов в самосознании этой социальной группы к концу имперского периода истории России.

Ключевые слова: приходское духовенство; сословие; профессия; образование; иерархия; общественные организации.

Поскольку не существует общепризнанного определения сословия, то и вопрос о временных границах существования сословий в Российском государстве до сих пор является дискуссионным. В настоящей работе будут рассматриваться те признаки сословия, которые не вызывают возражений у исследователей. Если говорить об особом правовом статусе, то сословные привилегии у духовенства появляются во второй половине XVII в. [Стефанович, с. 232], тогда как наследственность духовного звания *de facto* возникает еще раньше [Баловнев, с. 258]. В то же время формально духовное сословие долгое время было открыто на входе, у приходской общины существовало право выбора кандидатов на церковные должности, которое было признано и Духовным регламентом. С этой точки зрения говорить об окончании формирования духовного сословия можно лишь с конца XVIII в., когда официально будут запрещены приходские выборы священников (1797), а военные разборы и меры по повышению уровня образования духовенства практически полностью исключат из сословия податные элементы.

Сам состав сословия был достаточно сложен, поскольку в него входило как черное, так и белое духовенство. Поскольку монашеский статус не наследовался, то не все историки признают черное духовенство частью духовного сословия [Миронов, т. 1, с. 98]. Ответ на вопрос о принадлежности монашества к духовному сословию не имеет принципиального значения для заявленной темы (поскольку речь пойдет только о белом духовенстве), но можно отметить, что, несмотря на то, что, как в глазах общества, так и с точки зрения законодательства, черное и белое духовенство принадлежало к одному «состоянию», на протяжении имперского периода истории России между ними нарастает конфронтация. Наиболее ярко она проявилась в двух напумевших зарубежных изданиях — книге священника И. С. Белюстина «Описание сельского духовенства» (1858) и работе профессора богословия Д. И. Ростиславова «О православном белом и черном духовенстве в России» (1866). Причем, если священник просто пишет

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013.

о приниженном положении, в котором находится приходское духовенство по отношению к монашествующим и мирянам, служащим в церковном ведомстве, то профессор пытается проследить истоки неравенства и разногласий между двумя группами духовенства.

Характерно, что обе книги появились в царствование Александра II, а главным событием, произошедшим в промежуток времени между их изданием, стала отмена крепостного права, ознаменовавшая собой начало реформ, направленных на формирование гражданского общества и разрушение сословного строя. В 1869 г. сыновья духовенства были исключены из состава сословия с правом выбирать себе род службы. Уставы духовных семинарий (1867) и академий (1869) позволяли поступать в эти учебные заведения представителям всех сословий православного исповедания. Таким образом, наследственность как основа существования сословия была разрушена, но, тем не менее, абсолютное большинство духовных лиц в последующем были выходцами из семей духовенства.

В этой связи интерес представляет не столько формальная сторона дела — законодательно закрепленное разрушение сословных границ и превращение церковного служения в профессию, доступную при получении соответствующего образования любому представителю конфессии, — сколько самоощущение духовенства, соотношение в его самооценке сословных и профессиональных черт.

По мнению П. С. Стефановича, формирование духовного сословия в Московском государстве «не основывалось на развитии феодальных прав и привилегий, сословного самосознания и корпоративных интересов» [Стефанович, с. 317]. При этом автор в своей работе перечисляет привилегии, которыми обладало духовенство к концу XVII в. (см. выше), пишет и об элементах сословного самоуправления [Там же, с. 212–231], так что, возможно, корректнее было бы говорить о слабой выраженности сословного самосознания и корпоративных интересов в это время. Б. Н. Миронов, отстаивающий тезис о раннем развитии сословного самосознания у духовенства, приводит пример из жизни святителя Тихона Задонского, относящийся к первой половине XVIII в., доказывающий формирование у духовенства чувства сословной чести. Другие факты, приводимые в поддержку этого тезиса [Миронов, т. 1, с. 102]¹, выглядят скорее доказательством того, что сословное самосознание у духовенства к концу XVIII в. было развито слабо, поскольку все они свидетельствуют лишь о стремлении либо подражать дворянству, либо добиться увеличения количества способов получить дворянство.

¹ Более интересный пример (относящийся к рубежу XVIII–XIX вв.) выделения духовенством себя как особой группы, отличной и от низов, и от верхов, приводит В. М. Живов. Он цитирует письмо митрополита Платона (Левшина) митрополиту Амвросию (Подобедову): «Чтоб на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по французски, ни по немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латыне и переписываемся. Ежели же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить». Автор статьи комментирует этот отрывок следующим образом: «Образованность отчетливо выступает здесь как социальная привилегия, которую нужно сохранять и поддерживать из опасения слиться с социальными низами; вместе с тем латинская образованность духовенства имплицитно противопоставляется новоевропейской образованности элиты, причем подразумевается ее ущербность с точки зрения этой последней (хотя эта точка зрения и приписана “иностранцам”）」 [Живов].

Уральский материал в целом также доказывает, что сословное самосознание у духовенства к началу XIX в. было развито слабо. Зачатки сословного чувства чести проявлялись в стремлении отделить себя от низших социальных групп, что достигалось прежде всего подражанием дворянскому образу жизни [см.: Мангилева, 2011].

Массовое отношение клириков к своему социальному статусу демонстрируют не дневники и воспоминания, созданные людьми, выделяющимися из общей среды, а другие данные, например, происхождение жен духовенства. К примеру, из 196 жен служащих клириков Шадринского уезда, значащихся в клировой ведомости 1808 г., 77 — иносословные (39,3 %). Правда, 12 из них значатся дочерьми солдат, т. е. они могли происходить из семей клириков, забранных на военную службу, но и в этом случае не принадлежали к духовному сословию по происхождению 65 жен клириков (33,1 %), т. е. треть жен духовных лиц. Больше всего среди них было дочерей крестьян (48 человек, 24,5 % от общего числа), причем были женаты на крестьянских дочерях 20 священников, 5 диаконов и 23 причетника, так что можно сказать, что крестьянки в равной степени котировались во всех стратах духовенства: сан получали уже женатые, но в значительном числе случаев возможности служебного роста были понятны еще до брака.

При этом более чем на два года были старше мужей жены 9 священников, 2 диаконов и только 6 церковнослужителей. Разница в возрасте представляется в данном случае важной, поскольку она показывает, какие качества ценились в невесте. Духовенство вело такое же хозяйство, как и прихожане, поэтому на селе при выборе невесты не последнюю роль играли ее выносливость и физическая сила. Возможно, невесты-крестьянки происходили из достаточно зажиточных семей, поэтому родители малолетних «духовных» женихов рассчитывали на относительно богатое приданое, тогда как родственники невест пытались поднять свой социальный статус. В условиях, когда значительное число клириков по наследству занимало места своих старших родственников, должна была возникать достаточно устойчивая связь между семьями духовенства и сельским миром, поэтому могло приниматься в расчет и положение семьи невесты в крестьянской общине.

Следующими по численности были дочери мещан, на которых были женаты 3 священника, 3 диакона и 3 причетника (опять священнослужители численно преобладают), при этом был младше жены более чем на 2 года только один диакон. На дочерях мастеровых были женаты 1 священник и 2 диакона; малая численность этой группы понятна, поскольку Шадринский уезд был сельскохозяйственным. В этой группе не было женщин, значительно превосходивших мужей по возрасту. На дочерях солдат были женаты 5 священников, 3 диакона, 4 причетника; в этой группе 3 жены церковнослужителей были старше мужей на 2 года, но такая разница в возрасте существенной роли не играет. 1 священник и 1 причетник были женаты на дочерях канцелярских служащих (возможно, выходцев из духовного сословия), на казачке — 1 священник (жена была старше мужа на пять лет). Наконец, шадринский протоиерей, обучавшийся в богословском классе семинарии, был женат на дочери купца, а священник, обучавшийся по философии, — на дочери офицера [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 430]. С уверенностью

можно предположить, что в двух последних случаях браки были заключены во время обучения в семинарии (т. е. во время пребывания в крупном городе), а согласие на брак со стороны родни невест последовало именно благодаря высокому уровню образования женихов. Таким образом, чаще всего представители духовного сословия женились на более старших по возрасту женщинах, если те происходили из крестьянской среды: непрестижность брака с социальной точки зрения должна была компенсироваться какими-то иными преимуществами.

Поднять престиж сословия, ограничив число браков с представительницами податных социальных групп, пытались прежде всего епархиальные архиереи. Епископ Иоанн, возглавлявший Пермскую кафедру в 1800–1801 гг., предписывал, чтобы «желающие вступить в священно-церковно-служительские чины, вступая в брак, не брали за себя невест, как только из священно-церковно-служительских дочерей и наипаче из остающихся бедных, но честное и непорочное житие препровождающих сирот. Обучавшиеся же в семинарии, с отличным успехом, богословии, — могут брачиться и на сторонах, но не иначе, как только с нашего пастырского позволения» [Шишонко, с. 35]. Постепенно преграды межсословным бракам становились все жестче [ГАСО, ф. 251, оп. 1, д. 58, л. 159 — наказание за вступление в межсословный брак; д. 14, л. 23 — разрешение на подобный брак], кроме того, сходило со сцены поколение, для которого подобные браки были нормой. Уже во втором десятилетии XIX в. внутрисословные браки составляли подавляющее большинство [см.: Мангилева, 1998, с. 76].

Конечно, неизвестно, насколько такое быстрое изменение отношения к межсословным бракам было признаком роста самооценки, а насколько — следствием начальственных запретов, но вообще следует отметить большую роль епископата в росте сословного самосознания. Об епископе Кирилле, возглавлявшем Вятскую кафедру в 1827–1832 гг., сын местного сельского священника вспоминал следующее: «Вятская епархия признает Кирилла своим цивилизатором, о нем до сих пор и говорят, что он умыл, одел, причесал и научил жить вятское духовенство. <...> Приехав в село, он, разумеется, прежде всего шел в церковь и осматривал, хорошо ли она устроена и чисто ли содержится, хорошо ли служит клир... Потом отправлялся в дом священника, дьякона, а иногда и дьячка, требовал, чтобы они показали ему свое хозяйство, опрятно ли живут, как сами одеваются и одевают детей, как их учат, при этом делал разные наставления» [Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, с. 143]. Викарный епископ Екатеринбургский Иона в 1856 г. отказал в выдаче паспортов «для занятия у чужих людей» дочерям умершего священника Ивана Дерябина с такой резолюцией на их прошении: «Священническим дочерям девицам искать работы и пропитания на чужой стороне у людей всякого поведения, без надзора Духовного и своего Начальства, жалко, неприлично и предосудительно: поэтому поискать для них в здешнем и Шадринском уездах просфорнических мест» [Материалы для истории Екатеринбургской епархии, с. 60].

Подобная забота о повышении статуса духовенства в глазах прихожан, о защите от негативного внешнего влияния должна была явиться существенным фактором в повышении уровня самооценки духовенства, основным же фактором, повлиявшим на выработку корпоративной солидарности, стало, судя по всему,

обязательное обучение в духовной школе. Здесь дети из семей духовенства впервые сталкивались с отчужденностью своего сословия от других социальных групп. Инословленные ученики в семинариях первой половины XIX в. были крайней редкостью; в дороге к месту учебы и обратно домой, на квартирах семинаристы зачастую были вынуждены терпеть пренебрежение, а то и оскорбления со стороны «других», на которые они отвечали подчеркнуто девиантным поведением².

Зачастую возникала отчужденность и между учениками и преподавателями, причем истоки ее необходимо искать не только в слабой педагогической подготовке последних, но и в разнице социального статуса приходского духовенства и преподавателей духовной школы. В первой половине XIX в. белому духовенству был практически закрыт доступ к местам преподавателей, да оно и само было не слишком заинтересовано в поступлении на низкооплачиваемую работу в духовных школах. Преподавателями были либо миряне, либо представители ученого монашества. И те, и другие были выходцами из семей белого духовенства, но относились к нему зачастую пренебрежительно, поскольку сами сознательно отвергли приходскую службу. Именно в этой обстановке впервые зарождается то отрицательное отношение к монашеству, которое нашло себе выход в работах И. С. Белюстина и Д. И. Ростиславова³. В результате к моменту церковных реформ Александра II конца 1860–1870-х гг. белое духовенство как корпорация четко отделяет себя не только от высших и низших по отношению к себе страт российского общества [Мангилева, 2011, с. 90–91], но и от черного духовенства, формально являющегося частью того же сословия.

Церковные реформы могли бы нанести удар по чувству корпоративной солидарности приходского духовенства: духовная школа стала всесословной, белое духовенство получило возможность поступать на преподавательские и административные должности. Но при этом абсолютное большинство учеников по-прежнему составляли дети духовенства, а уравнивание возможностей белого и черного духовенства в учебной сфере повысило самооценку белого духовенства, но не снизило остроту конфликта.

² См., например, воспоминания И. А. Ардашева «Шесть лет в Крутогорской семинарии»: «Дни отпусков на рождественские и летние каникулы также сопровождалась попойками. Выпивка тогда происходила только не в стенах семинарии, а дорогой. Разливанное море бывало тогда на постоянных дворах ближайших к Крутогорску сел, где имели обыкновение кормить лошадей “протяжные” ямщики, приезжавшие, по их выражению, за “церковными вещами”, т. е. за семинаристами.

Любители выпивки, не стесняемые никаким контролем, расходились здесь вовсю: бродили по селу и своим громогласным зёвом оглашали мирные селения, обыватели которых поэтому уже прекрасно знали, что “кутейники” на Рождество едут; напивались до бесчувствия, напивали и своих возниц. Иной раз случалось, что некоторых укладывали в повозки, как какие-нибудь неодоушевленные предметы» [ГАСО, ф. 101. оп. 3, д. 121, л. 31].

Ср.: «Раскуривая папиросу, Александр Иванович рассказал, какую штуку он устроил проклятой старухе. — Не пожалел трех папирос и раскрыл их по всем полатам... Пусть старуха почихает. Жаль, что не было с собой нюхательного табаку» [Мамин-Сибиряк, т. 10, с. 268]. Речь в обоих случаях идет о ситуации во второй половине XIX в., но вряд ли она была лучшей в предшествующее время.

³ Ср.: «Показался Елисавет. Дедушка [диакон. — А. М.] показал на низенькое белое каменное здание, приютившееся у самой церкви, и проговорил:

— Вон воронье гнездо...

Он питал какую-то необъяснимую ненависть к монахиням, а в Елисавете они действительно вили себе гнездо» [Там же, с. 236].

В то же время следует отметить, что дальнейшее развитие духовного сословия шло в период реформ за счет инициатив правительства, Синода и епархиальных архиереев. Именно благодаря им появляются зачатки сословного самоуправления (проводятся выборы благочинных, епархиальные съезды, создаются училищные комиссии). Что же касается самого духовенства, то, судя по церковной публицистике, его в этот период особенно беспокоили два вопроса: материальное содержание и участие в деле народного образования. Что касается второго вопроса, то его активное обсуждение, ревнивое отношение духовенства к земским школам свидетельствует о том, что духовенство к тому времени стало воспринимать просвещение народа как свою сословную обязанность, отличающую его от других социальных групп.

Более сложным представляется отношение духовенства к вопросу о мерах по улучшению его материального содержания. Значительное число клириков в епархиях Центра высказывалось за сохранение традиционных способов содержания духовенства и требовало наделения причтов новыми земельными участками. В то же время появляется довольно значительное число публикаций, авторы которых предлагают перевести духовенство на государственное жалование. Средства на выплату жалования предлагается изыскать за счет введения особого налога. Таким образом решалась проблема зависимости духовенства от прихожан, но, с другой стороны, духовенство теряло последние формальные отличия от чиновничества. Требование перевода на жалование свидетельствует о зарождении профессионального отношения духовенства к своему служению. Такое отношение более соответствовало духу модернизационных преобразований, но встретило достаточно скептическое отношение в обществе. Представителей «*homo novus*» [Мамин-Сибиряк, т. 1, с. 60] обвиняют прежде всего в холодности по отношению к прихожанам и к церковному служению (М. Лукашевич отмечает, что в художественной литературе периода реформ персонажи-клирики никогда не изображаются служащими в храме, основная сфера их деятельности — общественная [Лукашевич, с. 181], но при этом они не сопереживают людям, которым оказывают помощь). Имплицитно за этими обвинениями в адрес нового духовенства скрывается еще одно — в стремлении уподобить церковное служение государственной службе. Напрямую это обвинение выдвинул против «нового» духовенства, пожалуй, лишь церковный публицист Н. П. Гиляров-Платонов, придумавший определение «клерикало-бюрократы» [Там же, с. 49, 190].

Таким образом, формальное превращение сословия в профессию не решало основной проблемы духовенства — отчужденности от общества, к которой привела сословная замкнутость. Особое внимание, которое начинает придавать духовенство своей общественной деятельности (что нашло отражение в публицистике и художественной литературе), является признаком того, что проблема эта осознавалась, и духовенство искало выход из сложившейся ситуации. Эта общественная активность духовенства должна была бы приветствоваться правительством, которое отводило духовенству роль лидера в пореформенной деревне, но при этом правительство не желало выпускать деятельность духовенства из-под своего контроля. Бюрократизация работы братств и попечительств в пореформенный период должна была уменьшить как авторитет этих организаций в обществе, так и желание

работать в них. Элементы самоуправления, возникшие на епархиальном уровне (и здесь опять следует отметить роль иерархии), также исчезают к 1880-м гг., что станет препятствием для развития новой корпорации, объединяющим фактором в которой могла бы стать профессиональная деятельность.

В этих условиях активность духовенства все чаще направляется в те сферы, которые не имеют непосредственной связи с пастырством. Это прежде всего уже упомянутое и привычное духовенству школьное преподавание. Достаточно широкую поддержку среди духовенства нашли инициативы церковных и светских властей в области борьбы с пьянством, создания на приходах чайных, библиотек и т. п. В основе подобной активности лежало представление не столько о профессиональной, сколько о моральной ответственности духовенства за жизнь своих прихожан.

Словным по преимуществу оставалось и отношение духовенства к своему образованию. Высокий уровень образования представлялся ценностью не только как основание для достижения жизненного и служебного успеха: в этом отношении ценность образования в результате реформ даже несколько девальвировалась, поскольку отток молодежи из сословия привел к дефициту подготовленных кадров, так что уровень образования рукополагаемых в сан несколько снизился. Относительно высокий уровень образования обеспечивал возможность претендовать на лидерство в широко понимаемом деле народного просвещения. Не случайно в последней трети XIX — начале XX в. повсеместно возникают церковно-исторические, церковно-археологические общества, занимающиеся также статистикой, этнографией и т. п. Эти общества, а также епархиальная периодика могли играть ведущую роль в объединении местной культурной и научной элиты⁴. Обращалось внимание и на недостаточный уровень сугубо церковной культуры различных общественных групп, так что распространение получают воскресные чтения, лекции, собеседования на богословские и церковно-исторические темы.

Следует также отметить, что поддержка инициированных правительством мероприятий не всегда означала, что сами клирики придерживались правых взглядов, общественная активность духовенства не была четко связана с той или иной политической ориентацией. Скорее ее можно связать с поиском духовенством новой идентичности, формированием новой корпорации, в которой объединение по профессиональному признаку поддерживалось бы сознанием своей общественной роли, сложившимся в рамках сословия. Процессы эти не успели завершиться, что и привело к внутренним конфликтам в среде духовенства в начале XX в., повлиявшим и на события в стране в целом. По большому счету, процессы самоидентификации и поиска своего места в обществе идут в среде православного духовенства и сегодня.

Баловнев Д. А. Приходское духовенство в Древней Руси. X–XV вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 252–258. [Balovnev D. A. Prihodskoe duhovenstvo v Drevnej Rusi. X–XV vv. // Pravoslavnaia jenciklopedija. Russkaja pravoslavnaia cerkov'. М., 2000. S. 252–258.]

⁴ Подробно механизмы подобного процесса исследованы в работе Р. В. Чижова [см.: Чижов].

Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской духовной академии // Православный собеседник. 2005. № 2 (10). С. 88–170. [Vospominaniya Ivana Jakovlevicha Porfir'eva, professora russkoj slovesnosti Kazanskoj duhovnoj akademii // Pravoslavnyj sobesednik. 2005. № 2 (10). S. 88–170.]

ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 430; Ф. 101. Оп. 3. Д. 121; Ф. 251. Оп. 1. Д. 14, 58. [GASO. F. 6. Op. 2. D. 430; F. 101. Op. 3. D. 121; F. 251. Op. 1. D. 14, 58.]

Живов В. М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/givov.html> (дата обращения: 15.08.13). [Zhivov V. M. Marginal'naja kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligencii. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/givov.html> (data obrashhenija: 15.08.13).]

Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х – 70-х гг. XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009. [Lukashevich M. Obraz prihodskogo svjashhennika v russkoj belletristike 60-h – 70-h gg. XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Varshava, 2009.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. М., 1958. [Mamin-Sibirjak D. N. Sobr. soch. : v 10 t. M., 1958.]

Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. [Mangileva A. V. Duhovnoe soslovie na Urале v pervoj polovine XIX v. (na primere Permskoj eparhii). Ekaterinburg, 1998.]

Мангилева А. В. Развитие сословного самосознания уральского духовенства в XIX в. // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 89–95. [Mangileva A. V. Razvitie soslovnogo samosoznaniya ural'skogo duhovenstva v XIX v. // Ural. ist. vestn. 2011. № 4 (33). S. 89–95.]

Материалы для истории Екатеринбургской епархии. Иона Епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии, бывший на кафедре с 1849 по 1859 г. Екатеринбург, 1915. [Materialy dlja istorii Ekaterinburgskoj eparhii. Iona Episkop Ekaterinburgskij, vikarij Permskoj eparhii, byvshij na kafedre s 1849 po 1859 g. Ekaterinburg, 1915.]

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. [Mironov B. N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb., 1999.]

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. [Stefanovich P. S. Prihod i prihodskoe duhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekah. M., 2002.]

Чижов Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.) : дис. ... канд. культурологии. М., 2006. [Chizhov R. V. Rol' periodicheskoj pechati v konsolidacii regional'nogo kul'turnogo soobshhestva (na primere dejatel'nosti «Jaroslavskih eparhial'nyh vedomostej» 1860–1917 gg.) : dis. ... kand. kul'turologii. M., 2006.]

Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. [Shishonko V. N. Materialy dlja opisaniya razvitiya narodnogo obrazovaniya v Permskoj gubernii. Ekaterinburg, 1879.]

Статья поступила в редакцию 10.02.2014 г.